

Мякотин Венедикт Александрович

А. Мицкевич

Его жизнь и лит. Деятельность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В29

В29 **Венедикт Александрович М.**
А. Мицкевич: Его жизнь и лит. Деятельность / Мякотин Венедикт Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 98 с.

ISBN 978-5-519-98417-1

ISBN 978-5-519-98417-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Нѣсколько вступительныхъ словъ	5
I. Дѣтство и юность	7
Родители Мицкевича. — Доминиканская школа. — Не- обыкновенная память мальчика. — Первые стихотворные опыты. — Смерть отца. — Вступленіе арміи Наполеона въ Польшу и запавшій въ душу будущаго поэта освобо- дительный энтузіазмъ. — Виленскій университетъ и его профессора. — „Пубравцы“ и „Филоматы“.	
II. Бродящія силы	19
Мицкевичъ влюбляется въ Марію Верещакъ. — Планъ дидактической поэмы. — Вліяніе на Мицкевича баллады Жуковского „Людмила“. — Общество „Филаретовъ“. — Учительство въ Ковно. — „Лучистые“. — Смерть матери Мицкевича и свадьба „Марыли“. — Столкновеніе съ Яномъ Снядецкимъ. — Сердечныя страданія. — „Дяды“ и „Гражина“. — Арестъ Мицкевича.	
III. Пять лѣтъ жизни Мицкевича въ Россіи	32
Мицкевичъ въ тюрьмѣ. — Его импровизаціи. — Отправ- леніе въ Одессу. — Любовь къ Каролинѣ Собанской. — „Сонеты“. — Переѣздъ въ Москву. — Сближеніе Миц- кевича съ русскими писателями и дружба съ Пушки- нымъ. — „Конрадъ Валленродъ“. — Въ Петербургѣ. — Мицкевичъ вступаетъ въ открытую борьбу со ста- рой школой польскихъ критиковъ. — Духовный ростъ Мицкевича за пятилѣтній періодъ его жизни въ Москвѣ и Петербургѣ.	

IV. **Добровольный изгнанникъ 46**

Поѣздка за границу.—Свиданіе съ Гете и взаимная неудовлетворенность обоихъ поэтовъ.—Окончательный поворотъ Мицкевича къ религіозному миросозерцанію.—Увлеченіе Генріэтой Анквичъ.—Польское возстаніе 1831 г. и вышедшая изъ него эмиграція.—Тяжелое положеніе поэта среди эмигрантовъ.—Теорія народнаго мессіанизма.—„Папъ Тадеушъ“, какъ свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ мистицизма, овладѣвшаго поэтомъ.

V. **Мистическія увлеченія 63**

Женитьба Мицкевича.—Неудача его на драматическомъ поприщѣ.—Ослабленіе творческой силы.—Профессура въ Лозанской академіи.—Каѳедра славянскихъ литературъ въ Collège de France.—А. Товянскій и его мистическое ученіе.—Мицкевичъ дѣлается проповѣдникомъ товянизма.—Его удаляютъ съ профессорской каѳедры.

VI. **Послѣдніе годы**

Внутренніе раздоры въ сектѣ товянчиковъ.—Планъ Мицкевича привлечь на сторону товянизма императора Николая I.—Разрывъ Мицкевича съ его „учителемъ“.—Революція 1848 г. и несбывшіяся надежды поэта-мистика.—„Развалина“.—Недостатокъ матеріальныхъ средствъ.—Смерть жены.—Организація польскихъ легионовъ въ Турціи.—Кончина поэта въ Константинополѣ.

НѢСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХЪ СЛОВЪ.

Жизнь великихъ творцовъ литературы имѣетъ обыкновенно сильное вліяніе на создаваемыя ими произведенія. Поэтому вполне понять и оцѣнить эти послѣднія возможно только послѣ обстоятельнаго знакомства съ событіями жизни писателя, съ тѣми условіями, среди которыхъ ему приходилось творить и дѣйствовать. Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и великій польскій поэтъ нашего столѣтія — Мицкевичъ. Вліяніе окружавшей его обстановки и выработавшагося въ зависимости отъ него личнаго характера Мицкевича рѣзкими чертами отразилось на всей его поэзіи, сказываясь даже въ наиболѣе объективныхъ, повидимому, ея созданіяхъ. Но помимо этого чисто художественнаго интереса біографіи Мицкевича, въ ней заключается еще и другая, не менѣе пожалуй интересная и поучительная сторона. Онъ не стоялъ вдали отъ современнаго ему общества, какъ болѣе молодые его товарищи по пѣснѣ—Словацкій и Красинскій, но съ молодости привыкъ дѣятельно участвовать въ его жизни, дѣлить его радости и невзгоды и подчинять свое личное благо народному, какъ онъ понималъ послѣднее. Бывали не-

ріоды въ жизни Мицкевича, когда онъ не только въ поэзіи, но и въ дѣйствительности выступалъ въ роли политическаго дѣятеля, а своимъ творчествомъ онъ всегда сознательно участвовалъ въ движеніи національной и политической мысли польскаго общества. Благодаря этому его судьба была тѣсно связана съ судьбою значительной части родного ему общества, а послѣднее обстоятельство въ свою очередь придаетъ его біографіи значительный интересъ, дѣлая ее изображеніемъ не только жизни отдѣльнаго человѣка, но и наиболѣе яркихъ и выдающихся моментовъ въ жизни многихъ его современниковъ. Тѣ фазы развитія, черезъ которыя проходилъ Мицкевичъ, были общи многимъ его сверстникамъ и болѣе молодымъ послѣдователямъ, а вліяніе на послѣднихъ его личности и таланта еще усиливало это сходство. Такимъ образомъ, слѣдя за біографіей поэта, мы можемъ наблюдать одновременно и индивидуальныя черты его жизни, обусловившія собою развитіе таланта, и черты общія съ большей частью тогдашняго польскаго интеллигентнаго общества, выведшія этотъ талантъ на опредѣленную дорогу.

I.

Дѣтство и юность.

Родители Мицкевича. — Доминиканская школа. — Необыкновенная память мальчика. — Первые стихотворные опыты. — Смерть отца. — Вступление арміи Наполеона въ Польшу и запавшій въ душу будущаго поэта освободительный энтузіазмъ. — Виленскій университетъ и его профессора. — „Шубравцы“ и „Филоматы“.

Адамъ Бернардъ Мицкевичъ, какъ названъ онъ былъ при крещеніи, происходилъ изъ мелкой, такъ называемой засцянковой шляхты. Семья эта принадлежала къ старинному литовскому роду Мицкевичей — Рымвидовъ, но никогда не отличалась особенной знатностью, а имущественное положеніе ея въ то время, съ котораго имѣются о ней болѣе подробныя свѣдѣнія, т. е. со второй половины XVIII вѣка, далеко не принадлежало къ числу блестящихъ. Лишь благодаря счастливой случайности въ жизни дѣда поэта, — женитьбѣ его на зажиточной сравнительно дѣвушкѣ, — онъ успѣлъ нѣсколько подняться надъ уровнемъ своихъ родственниковъ и дать своему сыну образованіе, котораго самъ не получилъ. Этотъ сынъ его, Николай Мицкевичъ, уже въ послѣдніе годы независимости Рѣчи Посполитой служилъ рѣентомъ въ Новогрудской Военно-Гражданской Порядковой комиссіи, со времени же наденія Польши сдѣлался адвокатомъ. Въ Новогрудкѣ онъ и женился и здѣсь же родились у него два старшіе

сына, Францискъ и—24 декабря 1798 года (по старому стилю)—Адамъ, будущій поэтъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія Адама, мать его вмѣстѣ съ нимъ и старшимъ его братомъ переѣхала въ лежащую недалеко отъ Новогрудка деревеньку Заосье, которая досталась ихъ семьѣ въ наслѣдство совмѣстно съ нѣкоторыми другими родственниками и завѣдываніе которой взялъ на себя Николай Мицкевичъ. Жизнь въ деревнѣ продолжалась однако недолго: уже въ 1801 году Николай Мицкевичъ перевезъ свою семью обратно въ Новогрудокъ и, передавъ имѣніе въ аренду, занялся по прежнему исключительно адвокатской практикой. Матеріальныя средства семьи были въ это время не особенно хороши, а послѣдовавшее затѣмъ увеличеніе ея тремя новыми сыновьями, изъ которыхъ одинъ, Александръ, старшій по возрасту послѣ Адама, былъ впослѣдствіи профессоромъ римскаго права въ харьковскомъ университетѣ, заставило отца еще болѣе усиленно трудиться для обезпеченія средствъ безбѣднаго существованія.

Въ этой-то, если не бѣдной, то во всякомъ случаѣ весьма простой обстановкѣ прожилъ Адамъ Мицкевичъ первые годы своего дѣтства вплоть до поступленія въ училище въ 1807 году. Равнымъ образомъ и та умственная сфера, которая окружала его въ родительскомъ домѣ, мало выходила изъ обыкновенныхъ рамокъ. Отецъ его былъ, правда, человѣкъ съ нѣкоторымъ, хотя и не особенно значительнымъ образованіемъ, любилъ литературу и даже самъ писалъ стихи, которыхъ однако никогда не печаталъ; мать же ничѣмъ не выдавалась изъ ряда обыкновенныхъ женщинъ средняго шляхетскаго круга того времени. Отличительною чертою въ ея характерѣ, передавшейся и сыну, служила наивная и непосредственная, горячая вѣра, заставлявшая ее подчасъ видѣть чудесное проявленіе Божьяго могущества въ довольно обыденныхъ событіяхъ. Такъ, случилось разъ, что мамка выронила неосторожно Адама изъ окошка; мать обратилась съ мольбою къ Остробрамской Божьей Матери

и послѣдовавшее спасеніе ребенка приписала ей заступничеству. Кромѣ матери, вліяніе въ этомъ направленіи на ребенка могъ оказывать еще и одинъ изъ слугъ въ домѣ Мицкевичей, старикъ Власій, любившій повѣствовать о различныхъ фантастическихъ приключеніяхъ, бывавшихъ будто бы съ нимъ въ жизни. Разказы эти, въ которыхъ народныя повѣрья переплетались съ личнымъ вымысломъ, сильно дѣйствовали на воображеніе малолѣтняго Адама.

Вѣ родительской семьѣ тихая жизнь маленькаго городка не могла давать ему особенно сильныхъ впечатлѣній, но несомнѣнно на него должна была благотворно дѣйствовать близость природы и живописность ея въ этой мѣстности. Лѣтомъ онъ часто бывалъ въ близкихъ къ Новогрудку деревняхъ у знакомыхъ отца, игралъ и бѣгалъ съ своими сверстниками, и красоты природы, пока еще конечно безсознательно, западали ему въ душу.

Эта простота окружающей обстановки, давая возможность безпрепятственнаго развитія умственныхъ силъ, не способствовала однако слишкомъ раннему созрѣванію ихъ, и дѣйствительно, по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія имѣются о Мицкевичѣ за этотъ періодъ его жизни (если не считать нѣкоторыхъ сообщеній, явно дополненныхъ фантазіей ихъ авторовъ), онъ представляется мальчикомъ умнымъ, но далеко не обнаруживающимъ гениальныхъ способностей, слабымъ по здоровью, тихимъ и скромнымъ.

Вліяніе литературныхъ занятій отца сказалось въ томъ, что Адамъ уже въ это время пытался самъ писать стихи. Изъ этихъ первыхъ опытовъ ничего не сохранилось, но, насколько можно судить по слѣдующимъ, наврядъ ли они принадлежали къ числу сколько-нибудь удачныхъ, и все вѣроятно сводилось пока только къ подражанію отцу.

Мало новыхъ чертъ сказалось въ характерѣ и жизни Адама и за время пребыванія его въ школѣ, въ которую онъ поступилъ осенью 1807 года

и изъ которой вышелъ, окончивъ курсъ, въ 1815 году. Школа эта, какъ и большинство тогдашнихъ школъ въ Литвѣ, находилась въ завѣдываніи монаховъ, и именно ордена доминиканцевъ. Подъ вліяніемъ тогдашняго ректора виленскаго университета, Яна Снядецкаго, образованнаго и энергическаго человѣка, имѣвшаго по своей должности верховный надзоръ надъ всѣми средними учебными заведеніями округа, содержимыя монахами училища начинали понемногу измѣнять прежніе рутинные пріемы преподаванія, внося въ свою программу новыя требованія и приглашая болѣе знающихъ и опытныхъ учителей изъ среды людей свѣтскихъ. Въ то время однако, когда Адамъ Мицкевичъ поступалъ въ училище, эта реформа только что начиналась и ни въ составѣ учителей, ни въ предметахъ и способѣ преподаванія не произошло еще особенно ощутительныхъ измѣненій. Среди тѣхъ лицъ, у которыхъ учился Мицкевичъ, не было ни одного окончившаго университетъ. Самое училище носило названіе уѣзднаго и состояло изъ шести классовъ, въ которыхъ, сверхъ предписанныхъ программой предметовъ—латинско-польской грамматики, ариѳметики, географіи, физики, геометріи, латинскаго языка, Закона Божія, русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ и рисованія,—преподавались еще исторія, право и логика. Ученье будущаго поэта шло не безъ препятствій.

Природныя способности и въ особенности необыкновенная память, дававшая ему возможность запомнить разъ прослушанное, не говоря уже о прочитанномъ, сильно облегчали ему усвоеніе новыхъ свѣдѣній, но съ другой стороны слабое здоровье, да вѣроятно и непривычка къ школьной дисциплинѣ и усидчивому труду явились помѣхами въ безпрепятственномъ прохожденіи курса и произвели то, что въ двухъ изъ шести классовъ Мицкевичъ просидѣлъ по два года. Въ общемъ ученье шло у него однако хорошо и онъ считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ, хотя степени перваго

достигалъ рѣдко и недолго удерживался на ней. Уже въ это время у мальчика явились другіе интересы, не имѣвшіе ничего общаго съ сухимъ школьнымъ преподаваніемъ: онъ пристрастился къ чтенію, особенно романовъ, и часто проводилъ за ними цѣлые вечера, въ то время какъ старшій братъ его, одновременно съ нимъ поступившій въ училище, приготовлялъ уроки. Лишь ложась спать, Адамъ просилъ обыкновенно брата прочесть ему разъ вслухъ заданное на другой день и этого было ему достаточно для того, чтобы запомнить главное въ урокахъ.

Чтеніе романовъ и поэтическихъ произведеній сильно дѣйствовало на воображеніе мальчика, такъ что у него проявлялось стремленіе воплотить въ жизни излюбленныя сцены. Не разъ онъ разыгрывалъ эти сцены съ товарищами въ окрестностяхъ Новогрудка, представляя изъ себя то Яна Собѣскаго, то какого-нибудь другого героя. Вліяніе этого чтенія сказалось еще и въ другомъ отношеніи, побуждая Адама продолжать начатыя еще въ родительскомъ домѣ стихотворныя опыты. Онъ писалъ басни, различные мелкія стихотворенія, задумывалъ даже переложить стихами цѣлый романъ Флоріана: „Нума Помпилій“, но отъ всѣхъ этихъ попытокъ сохранились лишь ничтожныя отрывки, подчасъ съ удачнымъ стихомъ, но далеко еще не свидѣтельствующіе о сильномъ талантѣ.

Между тѣмъ за время школьной жизни Адама Мицкевича произошли два событія, получившія большое значеніе въ развитіи юноши. Первымъ изъ нихъ была смерть его отца, послѣдовавшая въ маѣ 1812 года и заставившая его рано заботиться о посильной помощи осиротѣвшей семьѣ. Второе изъ этихъ событій имѣло болѣе общій характеръ—это было начало войны 12-го года между Россіей и Наполеономъ и вступленіе войскъ послѣдняго, среди которыхъ находились и польскіе отряды, въ Литву. Обѣщанія со стороны Наполеона возстановить Польшу увлекли за нимъ сердца большинства поляковъ

и лишь незначительная часть продолжала возлагать свои надежды на императора Александра. Общій энтузіазмъ къ французамъ проникъ и въ Новогрудокъ и выразился съ полною силою при проходѣ чрезъ него нѣсколькихъ корпусовъ арміи Наполеона подъ начальствомъ Геронима Бонапарте, короля вестфальскаго. Домъ Мицкевичей былъ назначенъ подъ королевскую квартиру; хозяева конечно должны были удалиться, но 14-лѣтній Адамъ, спрятавшись за заборомъ, ожидалъ прибытія короля и успѣлъ его увидѣть. Эта блестящая картина французскаго войска, въ связи съ восторженными разсказами солдатъ о Наполеонѣ, какъ о какомъ то полубогѣ, и съ всеобщимъ ожиданіемъ земляковъ возвращенія независимости родной страны отъ этого чудодѣйственнаго вождя, навѣки запечатлѣлась въ душѣ мальчика и, способствуя раннему пробужденію въ немъ патріотическаго чувства, въ то же время положила первое основаніе того культа Наполеона, который онъ исповѣдывалъ впослѣдствіи. Много лѣтъ спустя Мицкевичъ поэтически воспроизвелъ свои тогдашнія впечатлѣнія въ „Панъ Тадеушъ“:

„Годъ приспомятнѣй, великій и единый,
Останешься въ Литвѣ священной ты годиной!
Ты, урожайная красавица-весна,
Вѣкъ будешь сниться намъ, обильна и красна
Густыми злаками и воиновъ одеждой,
Громами славныхъ битвъ и ясною надеждой.
Досель, переносясь въ минувшіе года,
Тебя, какъ сладкій сонъ, я вижу иногда
И, скорбію повить, лью слезы и тоскую:
Увы! я въ жизни зналъ одну весну такую!..“

Въ 1815 году Адамъ Мицкевичъ окончилъ курсъ въ училищѣ доминикановъ. Въ это время одинъ изъ далекихъ родственниковъ ихъ семьи, ксендзъ Іосифъ Мицкевичъ, былъ деканомъ физико-математическаго